

В. Н. Винокуров*

ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ – ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В ТЕОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Посредством анализа истории развития учения об объекте преступления анализируются причины возникновения концепции «объект преступления – общественные отношения». По мнению автора, к ним относятся причины, во-первых, социологического характера (представление о том, что в результате совершения преступления против отдельного члена общества вред причиняется всему обществу в целом); во-вторых, методологического характера (если в качестве общего объекта преступления выступают общественные отношения, то они и являются непосредственным объектом); в-третьих, политического характера (стремление государства обосновать применение норм уголовного права в случае причинения или угрозы причинения вреда его интересам).

Ключевые слова: общество, уголовное право, концепция, объект преступления, отсутствующий или негодный объект, предмет преступления, общественные отношения, вред

В последнее время в теории уголовного права наблюдается тенденция к пересмотру концепции «объект преступления – общественные отношения», которая выражается в отказе от нее либо дополнении наряду с общественными отношениями такими явлениями, как интересы и ценности. Данная концепция более 40 лет была доминирующей, что позволяет сделать вывод об объективном характере ее существования, поэтому представляется необходимым рассмотреть причины формирования концепции «объект преступления – общественные отношения», которая начала зарождаться еще в XIX в.

В. Спасович, выделяя такой признак преступления, как противозаконность, отмечал, что он выражается в том, что преступление представляет собой посягательство на чье-либо право, т. е. выражается в отрицании известной обязанности, а так как право и обязанность предполагают по крайней мере всегда отношение между двумя лицами, то преступление должно содержать посягательство на известные общественные отношения. При этом автор использует слово «посягательство», а не «нарушение», поскольку посягательство охватывает не только совершение правонарушения, но и покушение на правонарушение и приготовление к нему¹. По мнению В. С. Прохорова,

* Кандидат юридических наук, докторант Сибирского юридического института МВД России (Красноярск).

в данном случае речь идет об отношениях между купцом и покупателем. Такое понимание отношений «далеко от марксистско-ленинского понимания природы общественных отношений, главное в котором заключается в том, что в мнимом хаосе бесчисленных действий людей, в бесконечно возникающих и распадающихся связях и отношениях была выявлена система, объективная форма, в которой отливаются человеческие действия и интегрируют общество в целостную систему»². Понимание общественных отношений как отношений между конкретными субъектами влияло на квалификацию при ошибке в предмете и потерпевшем. С точки зрения В. Спасовича, удар кинжалом в мертвого человека, когда субъект полагал, что человек жив, преступлением не является. Подобных взглядов на понятие «общественные отношения» придерживались все дореволюционные правоведы. Данное положение получило даже законодательное закрепление.

В дальнейшем с распространением взглядов на человека как на субъекта общества в теории уголовного права начали формироваться взгляды на сущность причиненного преступлением вреда. Так, Н. Д. Сергиевский отмечал, что вред, заключающийся в преступном деянии, может быть или вредом отдельному лицу, или вредом для всего общества (вред общественный, так как всякая норма, нарушаемая преступным деянием, имеет своим предметом права, блага либо интересы частных лиц, либо интересы целого общества, либо то и другое вместе). Вследствие этого в праве формируется сознание о том, что всякое нарушение отдельного лица есть вместе с тем правонарушение общественное. Поэтому всякое причинение вреда мыслится как преступное деяние против всего общества, даже если оно нарушает интересы частного лица. Содержанием преступления является вред, причиненный всему обществу. Нарушение частного права есть только средство или форма нарушения общественного права³.

По мнению И. Я. Фойницкого, объект преступления – нормы или заповеди, которые имеют своим содержанием известные отношения, составляющие условия общежития. Например, заповедь «не убей» устанавливает отношение третьих лиц к жизни человека. Поэтому любое преступление имеет два объекта: посредственный, или отдаленный, конечный (нарушаемая заповедь), и непосредственный, или ближайший (отношение, которое ограждается данной заповедью, составляя ее реальное проявление). Именно поэтому классификация преступных деяний должна быть основана на различии нарушаемых заповедей по свойству охраняемых отношений⁴. Однако А. А. Пионтковский считает, что в данном случае «отношения» – это не общественное отношение между людьми, а должное поведение данного лица в каждом случае с требованиями общей нормы⁵. Следует согласиться с мнением А. И. Марцева и Н. В. Вишняковой о том, что «несмотря на то, что это были лишь незначительные предпосылки возникновения теории объекта преступления как общественного отношения, они свидетельствуют о том, что данная теория не была какой-то искусственной и надуманной, а явилась закономерным этапом развития уголовно-правовой мысли»⁶. С позиции С. В. Познышева, объектом преступления выступают те конкретные отношения, вещи, состояния лиц или вещей, которые охраняются законом под страхом наказания. Для краткости их можно назвать правовыми благами⁷. Это, по мнению Э. В. Георгиевского, ярко высвечивает структурные элементы общественных отношений как некую «зачаточную» их форму⁸.

Однако, как было отмечено выше, под отношениями как объектом преступления в теории уголовного права того времени понимались не абстрактные, типизированные устойчивые связи, а конкретные связи между определенными субъектами. Так, похищение вещи, которая, как ошибочно полагал виновный, принадлежит церкви, следовало квалифицировать не как покушение на свя-

тотатство, а как оконченную кражу; нанесение удара ножом трупам квалифицировалось не как покушение на убийство, а только как обнаружение умысла, так как нельзя наказывать человека за оскорбление несуществующего лица. В противном случае речь идет о привлечении к ответственности за обнаружение умысла⁹. Так, в комментарии к ст. 9 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. (далее – Уложение о наказаниях) указывалось, что посягательство, направленное на мнимый объект или такой, который не мог быть предметом преступления, не подлежит уголовному преследованию. Отсутствие предмета преступления только тогда служило освобождению лица от уголовного преследования, когда предмет не существовал в действительности или был, безусловно, негодный, т. е. не имел тех свойств и качеств, лишение которых было целью предпринятых действий. В то же время случайное отсутствие той вещи, на которую было направлено действие, не лишает его преступного характера. Поэтому взлом замка в риге с целью кражи находящегося там хлеба, которого на момент проникновения не было, является покушением на кражу со взломом¹⁰.

В последующем в Уголовном уложении 1903 г. это положение получило законодательное закрепление. В ст. 47 отмечалось: «Не почитается преступным деяние, направленное на предмет, не существующий или очевидно негодный для учинения того рода преступного деяния, которое замыслено». Несуществующими объектами признавались не только не существующий физически предмет, но и предмет, не существующий юридически, не имеющий тех свойств или качеств, против юридической охраны которых направлено преступное действие. На основании этого нельзя говорить об убийстве лица, находящегося в это время в другом городе, так как не может быть нападения на личность. Но выстрел в комнату, не приведший к ожидаемым преступником последствиям только потому, что жертва стояла в стороне, является наказуемым покушением¹¹. При этом, учитывая, что согласно ст. 114 Уложения о наказаниях покушение на преступление наказывалось менее строго, чем оконченное преступление, при ошибке в личности потерпевшего действовало правило, сформулированное в ст. 1456: «Кто, имея намерение нанести кому-либо смерть, вместо того лица по ошибке или иному случаю лишит жизни другого, тот подвергается тому же самому наказанию, которому он должен подвергнуться, если бы умертвил того, на жизнь кого имел умысел». Таким образом, лицо, задумавшее убить отца и вместо отца по ошибке убившее иное лицо, наказывается как отцеубийца. Но это положение закона, относящееся специально к убийству, не распространялось на другие преступления в случае ошибки¹². В статье было сформулировано правило: при ошибке в объекте при совершении убийства действия виновного следует квалифицировать не по наступившим последствиям, а в зависимости от направленности умысла.

В теории уголовного права дореволюционного периода обосновывалась необходимость рассмотрения объекта преступления в единстве формальной (нарушение норм права) и материальной (посягательство на определенное благо) сторон. Обе эти составляющие объекта должны быть в каждом преступлении. При отсутствии хотя бы одной из них не может быть речи о преступлении, поэтому ненаказуемым является посягательство на несуществующее материальное благо¹³. Наиболее удачной представляется терминология о выделении отвлеченного (абстрактного) и конкретного объектов преступления¹⁴. При этом если конкретным объектом признавались определенные предметы, люди, то абстрактным – общественные отношения. Н. С. Таганцев отмечал: «Обращая интерес жизни в правовое благо, право не только признает бытие этого интереса, не только дает ему охрану и защиту, но и видоизменяет его в объеме,

форме, иногда даже в содержании, сглаживая его частный, индивидуальный характер и придавая ему социальное, общественное значение»¹⁵.

В советское время, с 1920-х гг., начинает доминировать концепция, согласно которой под объектом преступления понималась совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Так, в ст. 1 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. отмечалось, что право – это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая его организованной силой. В ст. 2 указывалось, что уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания). В ст. 5 преступлением признавалось нарушение порядка общественных отношений, охраняемых уголовным правом. Согласно ст. 6 УК РСФСР 1922 г. преступлением считалось действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период. Тем самым, по мнению А. А. Пионтковского, на законодательном уровне было закреплено положение о том, что объектом преступления выступают общественные отношения¹⁶. Почти аналогичное определение преступления было сформулировано и в ст. 6 УК РСФСР 1926 г., где отмечалось, что общественно опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период¹⁷. Данное положение базировалось на признании того факта, что преступление причиняет вред не конкретному субъекту, а всему обществу. Таким образом, учение об общественной опасности преступления зародилось и получило развитие не в рамках социалистического уголовного права, а в теоретических работах представителей социологической школы буржуазного уголовного права и прижилось в теории и законодательстве отечественного уголовного права¹⁸.

Первой причиной признания общественных отношений в качестве объекта преступления стало развитие представлений о том, что человека следует рассматривать как члена общества, и вред, причиненный преступлением отдельному члену общества, причиняет вред всему обществу.

В то же время при анализе конкретных составов преступлений, когда речь шла о непосредственном объекте, четко прослеживалась тенденция к отождествлению объекта преступления с его предметом, под которым понимались определенные блага, что характерно для дореволюционного права. Так, А. А. Пионтковский, отмечавший в учебнике по Общей части уголовного права, что объект всякого преступления – общественные отношения, охраняемые аппаратом уголовно-правового принуждения¹⁹, в то же время при анализе составов преступлений, предусмотренных ст. 113, 185 УК РФ, писал, что *объектом* присвоения выступает чужое *имущество*²⁰. А. А. Жижиленко, рассматривая общее понятие имущественных преступлений, говорил: «Особенностью этих преступлений является то, что они направляются на правовые блага, могущие принадлежать как индивиду, так и коллективу, как личности, так и обществу, причем природа их не меняется от того, является ли в отдельном случае предметом преступления благо, принадлежащее человеку или обществу. Такими правовыми благами являются, с одной стороны, имущество в собственном смысле, с другой – так называемые нематериальные блага, имеющие отчасти личный, неимущественный характер...»²¹ Практическая необходимость рассмотрения в качестве непосредственного объекта общественных отношений возникла после принятия Закона от 7 августа 1932 г. «Об охране иму-

щества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укрепления общественной социалистической собственности» (далее – Закон от 7 августа 1932 г.), в связи с тем что нужно было различать такие объекты преступлений, как государственная собственность и собственность граждан. Именно на примере разграничения преступлений против социалистической собственности и личной собственности граждан В. Н. Кудрявцев указывал на необходимость разграничения объекта и предмета преступления²². По мнению Б. С. Никифорова, «собственность и имущество, образуя единство, в то же время не представляют собой тождества. Поэтому криминалист не может не различать собственность как объект преступления от имущества, материального выражения собственности, предмета этих преступных посягательств»²³. Как отмечалось в литературе того периода, исследование вопроса об объекте и предмете преступлений против социалистической и личной собственности имеет большое теоретическое значение. Правильное решение этого вопроса должно оказать существенную помощь судебной практике и способствовать укреплению социалистической законности²⁴. В связи с этим непосредственным объектом хищений стали признавать государственную собственность и личную собственность граждан, а предметом преступления – имущество²⁵.

Необходимость разграничения объекта общественных отношений и предметов материального мира проводилась и представителями общей теории права. О. С. Иоффе отмечал: «Право не может быть направлено на вещи непосредственно. Однако, оказывая определенное воздействие на поведение людей, оно может обеспечить их активное воздействие на внешние предметы природы. В этом случае объектами действительно выступают вещи, но они выступают не в качестве *объектов прав*, а в качестве *объектов действий*». Поскольку объектом правовой охраны являются общественные отношения, а не вещи непосредственно, то первые и выступают в качестве объекта правонарушения²⁶.

Вместе с тем, хотя в 50-е гг. прошлого века многие ученые считали общественные отношения объектом посягательства на уровне общего объекта преступления, по отношению к понятию непосредственного объекта высказывались и другие точки зрения. Так, по мнению М. П. Михайлова, концепция непосредственного объекта кражи только как общественного отношения собственности в отличие от предмета кражи (имущества) исходит из неправильной предпосылки о возможности существования общественных отношений отдельно от имущества. Имущество – это то, в чем концентрируются общественные отношения и по поводу чего они возникают. Поэтому разграничение непосредственного объекта и предмета кражи носят надуманный и схоластический характер. Поскольку имущество и его собственник органически связаны друг с другом, посягательство на имущество является одновременно посягательством и на собственника этого имущества. Право собственности не терпит ущерба от преступного посягательства, так как с обнаружением похищенного имущества оно должно быть возвращено его законному владельцу. Если считать, что непосредственный объект кражи – отношения собственности, то суд при рассмотрении уголовного дела должен прежде всего установить наличие права собственности у потерпевшего на это имущество. Понятие имущества как непосредственного объекта кражи не исключает, а, наоборот, предполагает более детальный анализ этого объекта²⁷. По мнению А. Васильева, во многих случаях объектом преступления следует признавать не общественные отношения, а материальное, имущественное выражение соответствующих общественных отношений: имущество или субъекты этих отношений. Признание непосредственным объектом преступления только общественных отношений привело бы к выводу о том, что при убийстве объектом преступления выступа-

ет не живой человек, не его жизнь, а абстракция – общественные отношения, обеспечивающие право на жизнь. «Такое представление о непосредственном объекте, – отмечал указанный автор, – уводило бы нас в область абстракции далеко в сторону от практических задач борьбы с преступностью, требующих конкретной охраны и общественных отношений, и материального выражения этих отношений – имущества и живых людей – субъектов общественных отношений»²⁸. Таким образом, позиция Г. П. Новоселова о том, что объектом преступления выступают люди, а не общественные отношения, не является новой. В то же время, по мнению М. Д. Шаргородского и Н. С. Алексеева, признание непосредственным объектом не общественных отношений, а имущества или субъектов отношений противоречит элементарным правилам логики, так как часть общего должна обладать теми же свойствами, какими обладает общее. На основании этого они задают вопрос: каким образом часть объектов может не быть общественным отношением, если объектом являются общественные отношения?²⁹ Почти через 40 лет В. С. Прохоровым были приведены следующие доводы: «Представление об объекте как общественных отношениях должно последовательно проводиться во всех звеньях классификации: общем, родовом и непосредственном объекте. Если изменить этому правилу, то оказывается нарушенной не только логика классификации. Подмена „объекта как общественных отношений“ другими явлениями искажает истинную природу преступления...»³⁰

Представляется, что попытки признания в качестве непосредственного объекта преступления субъектов отношений и предметов материального мира объясняются сложностью и абстрактностью такого понятия, как «общественные отношения». Поэтому, по мнению А. Н. Трайнина, объектом посягательства в его конкретном жизненном воплощении могут быть как материальные, так и нематериальные ценности: политические, моральные, культурные и иные. В частности, объектом такого преступления, как умышленное истребление или повреждение чужого имущества (ст. 175 УК РСФСР), является чужое имущество. В марксистском понимании понятие объекта преступления сомнения вызывать не может: объект всякого посягательства – общественные отношения, установленные в интересах господствующего класса³¹.

Вместе с тем сторонники признания в качестве объекта преступления общественных отношений приводили, как представляется, неоспоримые доводы в пользу своей позиции. Как полагал Г. А. Кригер, человек является носителем различных общественных отношений, поэтому посягательство на него может иметь самый разнообразный характер. Далее, критикуя А. Н. Трайнина как сторонника признания непосредственным объектом преступления предметов материального мира, Г. А. Кригер писал: «Этой точки зрения придерживаются и многие буржуазные теоретики, однако она не соответствует марксистскому пониманию этого вопроса»³². Таким образом, непризнание непосредственным объектом преступления предметов материального мира объяснялось логическим несоответствием такого понятия, как «общественные отношения», выступающие в качестве общего объекта преступления, и предметов материального мира, рассматриваемых в качестве непосредственного объекта преступления, а также причинами идеологического характера.

Во второй половине 1950-х гг. появляются работы, в которых уже закрепляется обоснование общественных отношений как непосредственного объекта преступления. Так как вопрос об объекте преступления был идеологизирован, то при обосновании того, что объектом преступления следует признавать именно общественные отношения, ссылались на высказывания К. Маркса, который писал: «Только чувственная сторона преступления затрагивает интересы ле-

совладельца, преступная же сущность действия заключается не в посягательстве на лес как нечто материальное, а в посягательстве на государственный нерв его – на право собственности как таковое...»; «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»; «Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называется общественными отношениями, обществом»³³. Производительные силы как элемент производственных отношений не могут быть объектом защиты уголовного права, так как уголовное право защищает определенные классовые интересы, тогда как орудия и средства производства нейтральны к классам. Поэтому, когда в результате преступления причиняется вред какому-либо предмету материального мира, речь идет о посягательстве не на данный предмет, а на отношения собственности по поводу данного предмета. «Рассуждая иначе, – отмечает Н. А. Беляев, – мы не смогли бы объяснить, почему по советскому законодательству наступает различная уголовная ответственность за посягательства на одну и ту же вещь». Так, за похищение имущества государственной организации виновный должен был быть привлечен к ответственности по ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», за которое было предусмотрено наказание на срок от 7 до 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Если вещь являлась собственностью кооперативной организации, то виновному на основании ст. 3 того же указа могло быть назначено наказание от 5 до 8 лет исправительно-трудовых лагерей; если вещь находилась в собственности гражданина, то наказание устанавливалось на срок до 2 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 108 УК РСФСР). Если же собственник вещи был неизвестен, то виновный привлекался к ответственности за присвоение этой вещи по ч. 2 ст. 168 УК РСФСР, предусматривавшей наказание до 1 месяца лишения свободы. Различная ответственность в этих случаях наступает ввиду различия объектов посягательства, объект посягательства во всех четырех случаях – различные отношения собственности, а не их материальное выражение³⁴.

Таким образом, следующей причиной признания общественных отношений непосредственным объектом явилось методологически верное утверждение, что если на уровне общего объекта объектом преступления выступают общественные отношения, то и на уровне непосредственного объекта объектом преступления следует признавать общественные отношения. Кроме этого, такой подход подкреплялся идеологией государства о классовой борьбе в обществе, вследствие чего можно вывести еще одну причину признания общественных отношений в качестве объекта преступления.

По мнению Б. С. Никифорова, признание объектом преступления общественных отношений представляет собой содержательную абстракцию. «Ее полезность, – отмечал Б. С. Никифоров, – определяется тем, что она дает возможность видеть политическое содержание преступлений, совершаемых в СССР, и поэтому является основой и ориентиром для построения более конкретных определений. Более того, она делает такие определения необходимыми, потому что сама по себе не обладает, не должна и не может обладать конкретностью, необходимой для решения практических задач борьбы с преступностью в соответствии с принципами социалистической законности»³⁵. Аналогичным образом решался вопрос и в дореволюционном законодательстве. Так, в Уложении о наказаниях в главе «О преступлениях против Государя Императора и Членов Императорского дома» составы преступлений были сформулированы крайне неточно и недостаточно четко был определен объект преступления. Причина этого заключалась не в низком уровне развития законодательства,

а в стремлении обеспечить в случае необходимости широту и произвол судебно-административных репрессий³⁶. Таким образом, широкое понимание объекта преступления и нечеткое формулирование конкретных преступлений позволяли обосновывать произвольное применение норм уголовного права.

В советском законодательстве это выражалось в следующих формах.

Во-первых, в ст. 58¹ первой главы Особенной части УК РСФСР 1926 г. было сформулировано понятие контрреволюционного преступления, которым признавалось всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов либо к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции. Данное определение позволяло обосновать применение мер уголовно-правового характера к лицам, которые своими действиями причиняли вред интересам государства. Так, в Законе от 7 августа 1932 г. указывалось следующее: «Провести решительную борьбу с теми противообщественными кулацко-капиталистическими элементами, которые применяют насилие и угрозы или проповедуют применение насилия и угроз к колхозникам с целью заставить последних выйти из колхозов, с целью насильственного разрушения колхозов. Приравнять эти преступления к государственным преступлениям»³⁷.

Во-вторых, признание объектом общественных отношений обосновывало применение уголовного закона по аналогии. Согласно ст. 16 УК РСФСР если то или иное общественно опасное действие прямо не было предусмотрено настоящим кодексом, то основания и пределы ответственности за него определялись применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривали наиболее сходные по роду преступления. Например, И. В. Сталин, командированный в 1928 г. в связи с хлебозаготовительным кризисом в качестве чрезвычайного уполномоченного правительства в Сибирь, предложил в случае отказа крестьян сдавать хлеб по государственным ценам привлекать их к ответственности по ст. 107 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок (спекуляцию). В результате за январь–март 1928 г. по ст. 107 УК РСФСР на Северном Кавказе были осуждены 3244 человека, в Сибирском крае – 1589, на Урале – 255³⁸.

В последующем Верховный Суд РСФСР неоднократно указывал нижестоящим судам на необходимость применения норм Особенной части УК РСФСР по аналогии. Так, в ст. 123 УК РСФСР была установлена ответственность за совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах для извлечения таким путем каких-либо выгод. Согласно постановлению Президиума Верховного Суда РСФСР совершение религиозного обряда над детьми вопреки воле родителей, хотя бы по просьбе родственников, влекло уголовную ответственность по ст. 16 и 123 УК РСФСР³⁹. В другом постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1933 г. указывалось, что истребление или хищение леса на корню следует квалифицировать по ст. 85 УК РСФСР (нарушение постановлений в интересах охраны лесов от хищения и истребления), когда эти действия причинили незначительный ущерб и были результатом не злостного нарушения законов и правил, установленных в интересах охраны лесов, парков от хищения и истребления. В случае же умышленного истребления леса и лесных насаждений, совершенных в организованном порядке, систематически или в виде промысла, или хотя с незначительными фактическими убытками, но с очевидной контрреволюционной целью, или для подрыва общественной социалистической собственности, или совершаемых классово враждебными элементами, применять Закон от 7 августа 1932 г.

Аналогичные указания давала и прокуратура СССР. Так, циркуляром за № 56/9 она предложила органам прокуратуры обеспечить в поливных хлопковых районах своевременную четкую, жесткую репрессию в отношении тех, кто будет расхищать и «разбазаривать» воду. Такие действия следовало квалифицировать по аналогии по п. «г» ст. 162 УК РФ (хищение частными лицами из государственных или общественных складов, вагонов, судов и иных хранилищ)⁴⁰. Таким образом, незаконное использование воды предлагалось квалифицировать как хищение имущества из помещений или хранилищ.

От того, что следует понимать под объектом преступления, зависит и решение вопроса о квалификации посягательств на так называемый негодный объект. «Нет посягательства, – отмечал А. Н. Трайнин, – если нет объекта, так как в этом случае не на что посягать, и в одинаковой мере нет посягательства, если объекту не причинено ущерба, ибо в этом случае субъект не посягает»⁴¹. Так, по мнению Т. Л. Сергеевой, при ошибочном изъятии имущества, которое не обладало никакой ценностью, ответственность должна наступать за покушение на хищение государственного или общественного имущества⁴². В то же время Н. Д. Дурманов, не согласный с позицией Т. Л. Сергеевой и предложивший использовать термин «нереальный» объект, считал, что в тех случаях, когда отсутствуют определенные свойства предмета, на который осуществляется посягательство, состава преступления нет⁴³. Ученый придерживался позиции дореволюционных авторов о том, как следует квалифицировать посягательства на отсутствующий или негодный объект. Следует обратить внимание на то, что Т. Л. Сергеева рассматривала вопрос именно о посягательстве на государственное или общественное имущество, т. е. о посягательстве на государственную или общественную собственность.

Итак, еще одной причиной признания непосредственным объектом преступления общественных отношений явилось стремление государства обосновать применение норм уголовного права при причинении или угрозе причинения вреда его интересам.

Таким образом, в начале 60-х гг. прошлого века в теории уголовного права сформировалась доктрина, согласно которой объектом преступления признавались общественные отношения. Причинами этого были: во-первых, представление о том, что человек – член общества и любое преступление причиняет вред не только конкретному субъекту, но и всему обществу (условно ее можно назвать причиной социологического характера); во-вторых, методологически верное утверждение о том, что если на уровне общего объекта объектом преступления выступают общественные отношения, то и на уровне непосредственного объекта объектом преступления следует признавать общественные отношения (причина методологического характера); в-третьих, стремление государства обосновать широкое применение норм уголовного права, когда возникала угроза причинения вреда его интересам (причина политического характера). На наш взгляд, первые две причины обоснованны, чего нельзя сказать в отношении третьей.

¹ Спасович В. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. I. С. 84.

² Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 35.

³ Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. СПб., 1896. С. 80, 290–291.

⁴ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Дополненное и пересмотренное А. А. Жижиленко. Пг., 1916. С. 5.

⁵ Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Часть Общая. М., 1970. Т. II. С. 128.

⁶ Марцев А. И., Вишнякова Н. В. Развитие учения об объекте преступления. Омск, 2002. С. 26.

- ⁷ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права (общая часть уголовного права). М., 1912. С. 132–133.
- ⁸ Георгиевский Э. В. Объект преступления (теоретический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 12.
- ⁹ Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому уголовному праву. СПб., 1873. С. 240–243.
- ¹⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1912. С. 20–21.
- ¹¹ Уголовное уложение 1903 г. СПб., 1904. С. 90–92.
- ¹² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. С. 21, 829.
- ¹³ Розин Н. Н. Конспект лекций по уголовному праву. Томск, 1904. С. 130, 288–289.
- ¹⁴ Геллер З. Ошибка человека и ее значение при вменении деяния этого лица ему в вину. Юрьев, 1910. С. 10.
- ¹⁵ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 32.
- ¹⁶ Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 135.
- ¹⁷ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937 гг.). М., 1938. С. 58, 103, 230.
- ¹⁸ Наумов А. В. Обновление методологии науки уголовного права // Сов. государство и право. 1991. № 12. С. 28.
- ¹⁹ Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924. С. 129–130.
- ²⁰ Пионтковский А. А. 113-я и 185-я статьи Уголовного кодекса // Растрата и растратчики. М., 1926. С. 9.
- ²¹ Жижиленко А. А. Имущественные преступления. Л., 1925. С. 7.
- ²² Кудрявцев В. Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления // Сов. государство и право. 1951. № 8. С. 52.
- ²³ Никифоров Б. С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 25.
- ²⁴ Комахидзе М. Х. Об объекте имущественных преступлений // Сов. государство и право. 1955. № 6. С. 71.
- ²⁵ Советское уголовное право. Часть Особенная. Л., 1959. С. 112, 216.
- ²⁶ Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 135, 298–299.
- ²⁷ Михайлов М. П. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой. М., 1958. С. 42–46.
- ²⁸ Васильев А. Рец. на учебник: Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1952 // Социалистическая законность. 1953. № 8. С. 89.
- ²⁹ Шаргородский М. Д., Алексеев Н. С. Рец. на: Советское уголовное право. Общая часть. М., 1952 // Сов. государство и право. 1953. № 8. С. 108.
- ³⁰ Курс советского уголовного права. Л., 1981. Т. 5. С. 476.
- ³¹ Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 174–175.
- ³² Кригер Г. А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестн. Московского ун-та. 1955. № 1. С. 118–119.
- ³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1954. Т. 1. С. 149; Их же. Соч. М., 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 214; Их же. Соч. М., 1957. Т. 6. С. 442.
- ³⁴ Беляев Н. А. О системе хозяйственных преступлений // Беляев Н. А. Избранные труды. СПб., 2003. С. 268–270.
- ³⁵ Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 113.
- ³⁶ Развитие русского уголовного права в первой половине XIX века. М., 1994. С. 176.
- ³⁷ Устинов В. С. Российское уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности (история и концепция). Н. Новгород, 1998. С. 239.
- ³⁸ Рассказов Л. П. Роль карательно-репрессивных органов в утверждении административно-командной системы (1928–1941 гг.). Уфа, 1993. С. 62–63.
- ³⁹ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1940.
- ⁴⁰ Никифоров Б. С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. С. 69.
- ⁴¹ Трайнин А. Н. Указ соч. С. 191.
- ⁴² Сергеева Т. Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. С. 33.
- ⁴³ Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 154–158.